

УДК 101.1

ПРОБЛЕМА ЦЕЛИ НАУКИ В ФИЛОСОФИИ НАУЧНОГО РЕАЛИЗМА**И.А. МАЙДАНСКАЯ¹⁾**
А.В. КУЗНЕЦОВ²⁾*Белгородский государствен-
ный национальный исследо-
вательский университет*¹⁾ e-mail:
maydanskaya@bsu.edu.ru²⁾ e-mail: kuz-
netsov_a@bsu.edu.ru

В статье рассматривается проблема имманентной цели научного познания и взаимоотношений науки с реальностью под углом зрения философии научного реализма. Автор приходит к выводу, что краеугольным камнем научного реализма должно стать исследование «четвертого мира» материальной культуры, в котором наука находит свое практически-истинное осуществление.

Ключевые слова: научный реализм, истина, цель науки, демаркация науки, артефакты, социальный конструктивизм, конвенционализм.

Академическая философия науки возникла и долгое время развивалась, главным образом, в лоне позитивизма. Соответственно, она унаследовала от него ту массу противоречий, с которыми позитивизм не мог самостоятельно справиться. Попытки разрешить эти противоречия не прекращались на протяжении всего XX столетия и привели, в конце концов, к возникновению двух доминирующих направлений в современной философии науки – научного реализма и социального конструктивизма. Позитивизм – в особенности неопозитивизм, или «аналитическая философия», – всегда был нацелен на устранение из науки всякого рода «метафизики», на элиминацию всего того, что недоступно прямому или косвенному наблюдению. Со своей стороны, сторонники научного реализма и конструктивизма убеждены, что элиминация метафизических предпосылок из научных теорий и методов в принципе невозможна. Ни одна научная теория не может быть понята без учета «метафизического пространства» (А. Койре), в котором она рождается.

Позицию научного реализма сформулировать не так сложно. Он постулирует реальность описываемых научными теориями объектов, а также их независимость от структуры наших познавательных способностей и от характера субъективного восприятия этих объектов. При этом научный реализм радикально отличается от наивного реализма эмпирического толка, покоящегося на уверенности в том, что реальность непосредственно дана нашим чувствам. Базисное допущение научного реализма, напротив, гласит, что чувственно данная «реальность» представляет собой не более чем иллюзию или, по крайней мере, что мы не в состоянии воспринимать мир как он есть «в себе». В XX веке естественные науки – прежде всего физика и генетика – достигли такого уровня абстрактности, что здравым смыслом их положения обычно воспринимаются если не как «сумасшедшие», то во всяком случае как трудно постижимые или же парадоксальные. Они почти никогда не вписываются в рамки повседневного опыта и опираются в большей мере на абстрактные логические выкладки и математические вычисления, нежели на наблюдаемые факты. В этом отношении научный реализм выступает как прямая антитеза неопозитивизму с его безграничной верой в силу факта. Для научного реалиста теории не суммируют опыт, но представляют собой положения относительно реальности, независимой и от нашего опыта, и от самого разума. Наиболее радикальные сторонники научного реализма отводят науке протагоровскую роль «меры всех вещей». Так, известная максима Уилфрида Селларса гласит: «В плане описания и объяснения мира наука есть мера всех вещей, существующих – что они существуют, не существующих – что они не существуют»¹.

В настоящее время в категорию «научный реализм» зачисляется множество весьма разнородных и даже противоборствующих концепций в философии науки. Еще более разнообразны «антиреалистические» концепции. В задачи настоящей статьи не входит

¹ «In the dimension of describing and explaining the world, science is the measure of all things, of what is that it is, and of what is not that it is not» (Sellars 1997, p. 173).

ни обзор тех и других, ни сравнение их заслуг и недостатков². Мы ограничимся рассмотрением проблемы имманентной цели научного познания и взаимоотношений науки с реальностью.

Как известно, среди философов нет единства не только по вопросу о целях науки, но и о том, имеет ли наука цель вообще. Так, Артур Файн утверждает, что «цель науки» – это химера, выдуманная в ответ на неуместный герменевтизм и страх иррационального³. Возможно, это и справедливо, если иметь в виду субъективные цели и намерения ученых, а также тех государственных деятелей и бизнесменов, которые тем или иным способом способствуют развитию науки, – будь то стремление к славе, богатству, «благу народа» и т.д. Подобные цели внешни по отношению к науке, не имманентны ей, но, вместе с тем, внутри самой науки существует цель, стремление к которой, собственно говоря, и вводит человека в сферу науки, превращая его в ученого. Эта внутренняя цель выражает генеральный вектор ее эволюции и место науки среди различных форм человеческой деятельности в системе общественного разделения труда. Очевидно, такой целью научных исследований является получение знаний о реальном мире, или, иначе говоря, истина. Эта аксиома может быть взята за отправную точку любых рассуждений о науке. Ее – пусть лишь в качестве субъективной максимы – признают даже отъявленные скептики, считающие истину не более чем химерой.

Некоторые авторы, однако, усматривали коренное различие между имманентной целью самой науки, как таковой, и субъективными устремлениями ученых к тому, что представляется им «истиной». На этом основании, в частности, Карл Поппер пришел к выводу, что наука занимается лишь поиском «удовлетворительных объяснений» тех явлений, с которыми мы встречаемся в жизни⁴; Хилари Патнэм утверждает, что наука производит рационально обоснованное представление о мире; для Ларри Лаудана цель науки – решение проблем, в предельно широком смысле этого слова; один из основоположников аналитико-философской ветви научного реализма Бастиан ван Фрассен такой целью считает конструирование «эмпирически адекватных» теорий.

На наш взгляд, эти и прочие им подобные цели неявно предполагают или же, по меньшей мере, не противоречат рассмотренной выше аксиоме, как в случае с дефиницией Лаудана. Последней, однако, явно недостает конкретности: ведь «решением проблем» вообще занимается не только наука, и даже не только человек, но и любое живое существо. Науку же любая проблема интересует прежде всего с точки зрения получения обоснованного знания о мире, даже если это знание чревато серьезными проблемами для самого человека или же представляется бесполезным для него в практическом плане. «Отец логики», Аристотель, напомним, считал практическую бесполезность знаний высшим признаком их научности – «эпистемичности», – вследствие чего как раз и ставил «первую философию» (метафизику) выше всех остальных наук, не говоря уже о практически ориентированных знаниях (*technē*).

Разумеется, аксиома обоснованного знания как имманентной цели науки также требует конкретизации. Ее смысл целиком и полностью определяется тем, как мы понимаем обоснованность знания, т.е. от нашего ответа на сакраментальный вопрос «что есть истина», и возможно ли знание истины вообще. Но, как бы то ни было, факт остается фактом: наука всегда *стремится* к истине, независимо от того, считают или нет сами ученые – в том числе и философы, специально исследующие проблему истины, – возможным достижение этой цели.

Принимая данный факт за отправной пункт своих рассуждений, мы уже на следующем шагу лоб в лоб сталкиваемся с проблемой взаимоотношения науки и реальности. Научный реализм предлагает положительное решение – или, точнее сказать, довольно

² Укажем лишь, что в числе фундаментальных и наиболее оригинальных работ в защиту научного реализма последних лет, как правило, упоминаются монографии И. Ниинилуото (Niiniluoto 1999) и С. Псиллоса (Psillos 1999).

³ «‘The aim of science’ is a chimera, conjured up in response to misplaced hermeneuticism and fear of the irrational» (Fine 1986, p. 127).

⁴ «I suggest that it is the aim of science to find *satisfactory explanations* of whatever strikes us as been in need of explanation» (Popper 2013, p.134).

широкий спектр положительных решений – этой проблемы. На этом пункте стоит остановиться подробнее.

Еще один очевидный факт, заслуживающий здесь быть упомянутым, состоит в том, что у всякого знания имеется некий предмет. Вопрос лишь в том, реален ли этот предмет, и если да, то в какой мере он реален. И, соответственно, насколько наука преуспевает в постижении реальности. Данный пункт представляет собой развилку, на которой расходятся пути научного реализма и социального конструктивизма. Последний покоится на утверждении, что наука сама конструирует свой предмет, причем конструирует его в соответствии не столько с реальностью как таковой, сколько в соответствии с особенностями устройства общества, поскольку сама наука является одной из сфер общественной деятельности и потому не может быть свободной от насущных запросов и глубинных течений общественного бытия. Дальнейшая разработка темы может вестись в марксистском, прагматистском или постмодернистском – например, фукианском (с акцентом на властные отношения в обществе) духе.

Таким образом, социальный конструктивизм является прямым наследником экстерналистской философии науки, в то время как научный реализм продолжает линию интернализма, сосредотачивая все свое внимание на имманентных целях и законах эволюции научного знания. Вряд ли кто-либо из научных реалистов (по крайней мере из числа видных представителей этого направления) стал бы отрицать влияние общественной жизни на науку, не говоря уже об отдельных членах научного сообщества. Другое дело, что при научном исследовании любого природного или общественного объекта необходимо поначалу абстрагироваться от внешних влияний, с тем чтобы понять природу данного объекта в чистом виде. В результате мы получаем предельные абстракции, такие, как «идеальный газ», «идеальный кристалл», «генотип» и т.п. Любая из этих абстракций схватывает некую цель, или состояние, к которому стремятся явления данного класса (в приведенных выше примерах – газы, кристаллы и живые существа). Ну а в нашем случае образуется абстракция «идеальной науки», в основе которой лежит понятие истины как имманентной цели научного познания. Лишь после этого, уже на основе такого рода «имманентной» абстракции, или идеальной модели объекта, делается возможным изучение реакции данного объекта на различного рода внешние воздействия – в частности, детерминации научных исследований со стороны гражданского общества, государства или промышленных корпораций, цели которых бывают весьма далеки от поисков истины, а порой и прямо враждебны этой имманентной цели научного познания.

Принятие научно-реалистического идеала науки автоматически дает нам простой и надежный критерий демаркации научного и ненаучного познания, над поисками которого так долго бились неопозитивисты. Научными являются те, и только те, процессы познания, в основе которых лежит стремление понять внутренние причины и законы существования явлений природы. Научное познание, выражаясь словами Платона, есть «охота за истиной».

При этом необходимо оговориться, что результаты познания не обязательно должны быть истинными. Ошибочная теория не перестает быть научной оттого, что она ошибочна или же недостаточно хорошо доказана. Нет такой ошибки, которую нельзя было бы исправить, разобравшись в причинах ошибки и, тем самым, преобразовав ошибочное научное положение в истинное. Собственно говоря, так и возникают все новые научные теории. Коперник исправил «геоцентрическое» заблуждение Птолемея, Галилей отверг предрассудок Аристотеля, считавшего невозможным математическое описание движения, отцы генетики опровергли теорию эволюции Ламарка, и т.д. По отношению к данному критерию демаркации научного и ненаучного знания неопозитивистские концепции «верификации» (Р. Карнап и др.) и «фальсификации» (К. Поппер) представляются частными случаями, которым ошибочно приписывался статус всеобщности.

Сильнейшим доводом в пользу научного реализма служит тот факт, что наука позволила человеку добиться огромных успехов в практическом преобразовании внешнего мира и самого себя – каждого индивида и общества в целом. Разве это могло стать возможным, если бы научные понятия и теории не отражали реальность как она есть в себе? Именно этот довод, начиная с XVII столетия, более всего способствовал и способствует росту авторитета науки и ученых в глазах как просвещенной публики, так и простых обы-

вателей. Среди философов его особенно акцентировали марксисты (не столько сам Маркс, сколько его сторонники и эпигоны) и американские прагматисты. Последние даже возвели практическую полезность в ранг критерия истинности любых наших знаний. В более близкие к нам времена довод от практики подхватили некоторые постпозитивисты, пытавшиеся с его помощью преодолеть врожденную аналитической философии ограниченность сферой языка (в самом широком, семиотическом смысле этого слова – как системы знаков и символов).

Пожалуй, наиболее популярной формулировкой данного довода стало заявление Патнэма, что только без реализма достижения науки могут рассматриваться лишь как чудеса: «Положительный аргумент в пользу реализма заключается в том, что только философия⁵ способна понять успехи науки не как чудо. Что термины зрелых научных теорий как правило отсылают (refer) <к реальности> (в формулировке Ричарда Бойда), что принятые в зрелой науке теории как правило приблизительно истинны, что один и тот же термин может относиться (refer) к одной и той же вещи даже если он фигурирует в разных теориях, – эти положения рассматриваются научными реалистом не как необходимые истины, но как часть единственно научного объяснения успехов науки, а стало быть, и как часть всякого адекватного научного описания науки и ее отношения к своим объектам» (Putnam 1975, p. 73).

По тому, что здесь постоянно говорится о «терминах» и об отношении терминов к вещам, видно, что перед нами – научный реализм аналитико-философской закваски. Его характерной особенностью является стремление тем или иным способом «вышелушить» реальность из языка науки. Патнэм пытался сделать это при помощи понятия «референтности». По меткому замечанию Яна Хакинга, «бедняга Хилари Патнэм... был наибольшим реалистом среди философов и пытался избавиться от понимания процесса познания как представления, присоединяя “референт” к концу списка элементов, которые образуют смысл слова. Это выглядело так, будто некий мощный референциальный прибор может позволить нашему языку ввести в себя кусочек того, на что он ссылается» (Хакинг 1988, с. 143).

Сам Хакинг, выступая против «созерцательной» аналитико-философской теории познания, возлагает надежды на эксперимент, в котором мышление практически сливается с предметным действием: «я изучаю экспериментальную науку и нахожу в ней надежное основание для неопровержимого реализма» (Хакинг 1988, с. 144). Прагматист Хакинг сходится с Марксом в том, что реальность обнаруживает себя не столько в сфере чистой мысли, сколько в сфере практической деятельности. Наука должна не только объяснять мир, но и изменять его – лишь при этом условии наукой может схватываться реальность какова она есть «в себе и для себя»⁶.

Не удивительно, что эта позиция встречает симпатии и горячий отклик со стороны марксистов. Так, отечественный науковед Е.Я. Режабек, анализируя ключевые аргументы в противостоянии научного реализма и социального конструктивизма, солидаризируется с хакинговской критикой антиреализма, вырастающего на почве лингвистической философии. С особой настойчивостью им атакуется конвенционалистская теория истины, согласно которой цель науки и единственный критерий истинности научных теорий – согласие всех членов «речевого сообщества» (У. Куайн) относительно той или иной воспринимаемой ими ситуации. Этой философской позиции Е.Я. Режабек противопоставляет точку зрения практики, создающей, как он выражается, «экспериментальные артефакты» в ходе прямого, самого что ни на есть непосредственного взаимодействия с реальностью – внешней средой, оказывающей деятельное сопротивление экспериментатору и, тем самым, исправляющей и направляющей ход научной мысли. «Там, где активное

⁵ В английском языке слово «философия» нередко используется в значении научного взгляда на мир вообще. В этой связи еще Гегель посмеивался над названием английской книги ценой в 7 шиллингов: «Искусство сохранения волос согласно философским принципам», содержащей рецепты средств против облысения из области химии и физиологии.

⁶ «Мои нападки на научный антиреализм аналогичны нападкам Маркса на современный ему идеализм. Я, как и он, говорю, что суть заключается не в том, чтобы понять мир, а в том, чтобы изменить его» (Хакинг 1988, с. 282).

вмешательство в материальный мир служит достижению соразмерности когнитивной конструкции и промышленного или экспериментального артефакта, истинностная оценка перестает быть чем-то неуловимым, как то мыслится при чисто логической постановке вопроса... Сопоставление одной формы реальности (искусственной) с другой формой реальности (естественной), осуществляемое практическим путем, означает выход мысли за пределы ее самое, выход за пределы сознания к миру как таковому» (Режабек 2007, с. 219).

В самом деле, научный реализм может выйти за рамки «философской веры», какой он остается в конвенционализме и лингвистической философии, лишь при условии выхода в мир предметно-практической деятельности и создаваемых ею вещей, «артефактов». К. Поппер писал о существовании «третьего мира», населенного «лингвистическими существами»⁷ и противостоящего, с одной стороны, реальным объектам («мир № 1»), а с другой – внутреннему миру познающего субъекта («мир № 2»). Между тем существует еще и *четвертый* мир, целиком и полностью выпавший из поля зрения как постпозитивистских версий научного реализма, так и антиреалистических концепций в философии науки. Это – мир вещей, исторически созданных человеком для человека и образующих его искусственное, «неорганическое тело» (Маркс). Законы этого мира впервые исследовал еще Гегель в своей «Феноменологии духа». Он же впервые ввел в философию понятие труда, как формы деятельного мышления и «овнешнения» (Entäußerung) духа. Тем самым великий немецкий диалектик заложил камень, который и должен, на наш взгляд, стать во главу угла при построении философии научного реализма. Именно в этом предметном мире материальной культуры научные теории «верифицируются» или же «фальсифицируются», а наука в целом обретает свое высшее, практически-истинное осуществление.

Список литературы

1. Niiniluoto I. Critical Scientific Realism. Oxford: Oxford University Press, 1999.
2. Popper K.R. Objective Knowledge: An Evolutionary Approach. London: Oxford University Press, 1972.
3. Popper K.R. Realism and the Aim of Science: From the Postscript to The Logic of Scientific Discovery. London: Routledge, 2013.
4. Psillos S. Scientific Realism. How Science Tracks Truth. London: Routledge, 1999.
5. Putnam H. Mathematics, Matter, and Method. Cambridge University Press Archive, 1975.
6. Sellars W. Empiricism and the Philosophy of Mind. Harvard University Press, 1997.
7. Режабек Е.Я. В поисках рациональности. М.: Академический проект, 2007.
8. Хакинг Я. Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук. М.: Логос, 1998.

THE PROBLEM OF AIM OF SCIENCE IN THE PHILOSOPHY OF SCIENTIFIC REALISM

I.A. MAIDANSKAYA¹⁾
A.V. KUZNETSOV²⁾

*Belgorod State National
Research University*

^{1) e-mail:}
maidanskaya@bsu.edu.ru

^{2) e-mail:}
kuznetsov_a@bsu.edu.ru

The article deals with the problem of immanent aim of the scientific cognition and the relationship between science and reality from the perspective of the philosophy of scientific realism. The author concludes that the study of the “fourth world” of material culture, in which science finds its true practical implementation, should be the cornerstone of scientific realism.

Key words: scientific realism, truth, aim of science, demarcation of science, artefacts, social constructivism, conventionalism.

⁷ «Theories, or propositions, or statements are the most important third-world linguistic entities» (Popper 1972, p. 157).